

**«СКРЫТЫЙ» ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КРИЗИС
В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ**

Аргументированно доказывается, что в России, несмотря на рост объемов инвестиций в течение многолетних реформ, усугубляется инвестиционный кризис как следствие недоинвестирования в наиболее важные отрасли российской экономики и нерациональной структуры инвестиций. Данный кризис автор именует «скрытым», отмечая большие масштабы оттоков капитала из России, не связанные с выгодными для российской экономики инвестиционными целями, и негативную роль коррупции при характеристике современных инвестиционных проблем. Ловушка рентоориентированного поведения порождает конкуренцию между потенциальными российскими инвесторами не по наиболее эффективным направлениям производственных вложений, а по получению доступа к присвоению особо важных рентных доходов. Другое специфическое проявление инвестиционного кризиса – «инвестиционная близорукость», когда при одновременном недофинансировании науки, отраслей социальной сферы, приведшему к фундаментальному отставанию России от развитых стран по масштабам и темпам перехода к инновационной экономике, наблюдается гиперинфированный рост доли торговли в ВВП России по сравнению с развитыми и развивающимися странами. Трудность предстоящей модернизации автор видит не в изыскании финансовых ресурсов, а в том, что потребуются мобилизовать общество, существенно обновить государственный аппарат, принципиально изменить «общественный статуса» науки, перейти к новой политике в области заработной платы и стимулировании бизнеса, а также внести серьезные изменения в ряде аспектов внешнеэкономической политики.

Ключевые слова: инвестиции; кризис; коррупция; реформы.

G. N. Makarova

Doctor habil. (Economics), Professor,

Baikal State University of Economics and Law

**«HIDDEN» INVESTMENT CRISIS IN THE CONTEXT
OF RUSSIAN REFORMS**

The article gives reasons to prove that, in spite of growing amount of investments during many years of reforms, the investment crisis in Russia is worsening as a result of underinvestment of key industries and irrationality of investments structure. The author names it a «hidden» investment crisis and, characterizing current investment problems, emphasizes large-scale outflow of capital from Russia, which doesn't add to achieving investment goals profitable for national economy, and a negative impact of corruption. Rent-oriented behavior causes competition between potential Russian investors not for the most prospective directions of investments, but for opportunities to acquire significant rent incomes. Another specific demonstration of the investment crisis is «investment myopia»: science and social sphere are underfinanced, which has led to Russia's basic falling behind the developed countries in terms of scale and pace of transition to innovational economy, but, at the same time, the share of trade in GDP is growing much faster than that of the developed and developing countries. According to the author, the key difficulty is not in finding financial resources, but in the necessity of mobilization of all national strengths that remain, cardinal renewal of the corrupt state machine, changing the social status of science, changing the policies of salary payment and business stimulation, and substantial changes in a number of aspects of the foreign economic policy.

Keywords: investments; crisis; corruption; reforms.

Как известно, резкий спад инвестиционной активности, наблюдавшийся в России (наряду с другими серьезными потрясениями) в первые, самые трудные, годы рыночных реформ, в целом давно преодолен. Конечно, как и в других странах, на инвестиционные процессы в России весьма негативно влияют мировые кризисные потрясения, но, хотя и не сразу, объемы инвестиций постепенно растут и ситуация восстанавливается. В частности, если использовать в качестве обобщающего показателя долю накопления в ВВП, то она в России хотя и не так высока, как, например, в Китае (48 %) или в Индии (35 %), но все же стала более высокой, чем в первые годы реформ. Так, в 2010 г. доля накопления в России составила 23 % в ВВП (вместо прежних 16–17 %) и превысила среднемировой уровень (20 %) [7, с. 4].

Аналогично, хотя и не очень высокими темпами, но растут объемы притока иностранных инвестиций в российскую экономику, причем не только в добывающие, но и в обрабатывающие отрасли. В частности, в 2009–2010 гг. на отрасли обрабатывающей промышленности России пришлось 54 % всех прямых иностранных инвестиций в страну. К тому же, есть определенные надежды на дальнейшее ускорение притока этих инвестиций. Например, по данным весьма уважаемой компании Ernst & Young, занимающейся исследованиями в сфере межстрановой конкурентоспособности, начиная с 2005 г. привлекательность России для иностранных инвестиций непрерывно растет, в то время как привлекательность Западной Европы, Северной Америки и даже Китая снижается. Так, по данным опросов Ernst & Young, если Германию считают привлекательной для бизнеса лишь 47 % руководителей ведущих компаний разных стран, Францию — 31 %, то Россию — 70 % из числа опрошенных [6, с. 21].

Несмотря на отмеченные признаки относительно благополучного положения дел с инвестициями в российскую экономику, представляется, все же, что не только первые, совершенно провальные, годы реформ, но и фактически весь уже более чем двадцатилетний период их проведения следует фактически оценивать как период затяжного и даже углубляющегося макроэкономического инвестиционного кризиса. «Скрытым» этот кризис целесообразно называть, на наш взгляд, потому, что, во-первых, он не всегда проявляется в абсолютном сокращении объемов инвестиций (его проявлениями может быть нарастание объемов недоинвестирования по сравнению с возможными или усугубляющееся ухудшение структуры инвестиций); во-вторых, хотя специалисты, предметно изучающие инвестиционные процессы в России, осознают и объективно оценивают наличие этого кризиса [12, с. 15], но официально факт его наличия нигде не отмечается и не констатируется; в-третьих, поскольку данное явление должным образом не выделяется, то его глубина и масштабы фактически длительное время объективно не исследуются.

Не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающую характеристику данного скрытого и непрерывно присутствующего кризиса, предлагаем лишь выделить ряд его достаточно очевидных проявлений.

Во-первых, на наш взгляд, о существовании такого кризиса с достаточной очевидностью говорят сами масштабы ежегодных оттоков капитала из России, которые в последние годы фактически не опускаются ниже 50 млрд дол., а в периоды кризисов могут достигать до 100 и более млрд дол. При этом в большинстве случаев нет уже особых иллюзий относительно вероятности использования за рубежом этих огромных сумм с выгодными для российской экономики инвестиционными целями. Напротив, сам характер направлений вывозимого капитала доказывает, что в преобладающей мере происходит просто его бегство. Иначе как объяснить, например, данные о том, что более 40 % российских «инвестиций» за рубеж приходится на долю Швейцарии, которая являет-

ся идеальным местом для хранения денег, но совсем не связана с современной производственной специализацией России [3].

Можно, конечно, утешаться тем, что капиталы не только уходят из России, но и поступают в нее из других стран. Однако, как известно, они направляются в основном отнюдь не в самые передовые, а преимущественно в низко- и среднетехнологические отрасли, повышение доли которых в российском производстве и экспорте только отдаляет ее от параметров современной экономики. К тому же, масштабы вывоза капитала из России значительно превышают масштабы ввоза. Так, по данным ЦБ РФ, за период 1992–2009 гг. отток капитала за рубеж из частного нефинансового сектора России превысил 370 млрд дол., в то время как объем накопленных иностранных инвестиций в экономике России к середине 2009 г. составил лишь около 242 млрд дол. [4].

Во-вторых, в самой России из-за массовости хищений типичными стали огромные разрывы в размерах средств, официально выделяемых государством (и компаниями с участием государства) на инвестиционные цели, и фактическими суммами, доходящими до конкретных строек или объектов. Если даже относительно размеров хищений в непосредственно контролируемой государством сфере госзакупок Д. А. Медведев, будучи еще в должности президента, был вынужден назвать сумму в 1 трлн р., а осенью 2013 г. В. В. Путин на заседании Госсовета признал, что из общего объема госзакупок «с нарушениями» направляется 60 %¹, то очевидно что в других «либерально контролируемых» направлениях государственных вложений ситуаций могут быть лишь еще хуже. Факты на этот счет весьма многообразны и касаются самых разных объектов. Так, только за последние годы широкую известность получили «случаи» удивительных изменений и превышений сметных затрат при подготовке Саммита АТЭС на Дальнем Востоке, Олимпиады в Сочи, строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан и множества других [12, с. 18]. Что же касается размаха хищений в строительной сфере, то, как известно, разрывы в стоимости сооружения 1 км дорог в России по сравнению с другими странами стали общепризнанным критерием степени максимального неблагополучия в этой сфере. Имеются в виду подсчитанные специалистами сравнительные данные о средней стоимости 1 км дорог с твердым покрытием, которые в последние годы составляют в России в среднем по стране около 13 млн дол., в то время как в Польше — 7 млн дол., США — 6,5 млн дол., Китае — 2,9 млн дол. В тех же регионах, где специфическое сотрудничество строителей и чиновников идет наиболее интенсивно и с особым размахом, даже эти огромные (по сравнению с другими странами), суммы превышают во много раз. Так, стоимость строительства 1 км дорог на трассе Краснодар–Новороссийск составляет 32 млн дол., а на трассе Москва — Петербург 65 млн дол. [2, с. 8].

В-третьих, хотя хищения неразрывно связаны с коррупцией, но все же негативную роль коррупции при характеристике современных инвестиционных проблем в стране представляется целесообразным выделить особо. Ведь масштабы взяток чиновников всех рангов (вплоть до самых высоких федеральных уровней) за последние годы возросли настолько, что превратились в реальную угрозу для инвестиционных процессов в самых разных сферах деятельности. Если обратиться еще раз к особо значимому для общества оборонному ведомству, то, как отмечается в печати, даже по официально данным военной прокуратуры откаты при оформлении и выполнении государственного оборонного заказа составляют 20 %, а по неофициальным — 40–50 % от сумм контрактов [1, с. 19]. В связи с такими масштабами коррупции экономисты, изучающие специфику современных институтов России, выделяют в качестве одной из

¹ Аргументы и факты. 2013. 9 окт.

сформировавшихся здесь институциональных ловушек (т. е. по сути негативных институтов, сдерживающих развитие экономики, но не поддающихся устранению, поскольку они прочно срослись с рядом других норм и правил), ловушку рентоориентированного поведения. Такое поведение характерно, прежде всего, для чиновников, получающих благодаря своей особой близости к распределению ресурсов и льгот так называемую административную ренту (взятки от хозяйствующих субъектов), что уже само по себе представляет огромное зло для общества. Но кроме этого данная ловушка порождает также еще своеобразную конкуренцию между потенциальными российскими инвесторами не по поводу наиболее эффективных и нужных стране направлений производственных вложений, а по поводу получения доступа к присвоению особо важных рентных доходов. Как отмечает профессор М. Ю. Малкина: «Борьба за доступ к сфере извлечения ренты делает первоочередными инвестиции в административный ресурс. Рентоориентированное поведение, порождая целый комплекс комплементарных себе институтов, становится устойчивой институциональной альтернативой инновационному поведению» [9, с. 56].

В-четвертых, хотя, как уже отмечалось, к настоящему времени в России несколько повысилась по сравнению с первым десятилетием реформ доля накопления в ВВП (19,4 % в 2011 г.), но нельзя не учитывать изменения в структуре вложений, происшедшие за период реформ. Если в условиях плановой экономики, когда решались задачи индустриализации страны, инвестиции в абсолютно преобладающих размерах шли на развитие промышленности и, в первую очередь, — тяжелой индустрии, то при переходе к постиндустриальной экономике Россия, казалось бы, должна, как и другие передовые страны, резко повысить доли вложений в отрасли, наиболее значимые с позиций постиндустриального периода, т. е., прежде всего, в науку, нововведения и инновации, образование, здравоохранение и т. п. Но, как видно, например, из динамики вложений в науку, новое российское государство в течение всего периода реформ, испытывало какое-то просто патологическое неприятие отечественной науки и демонстрировало четко выраженное стремление не давать ей реальных возможностей развития. Иначе чем еще можно объяснить, что всего за двадцать лет реформ, вместо СССР, где труд ученых котировался выше, чем труд чиновников даже самого высокого уровня, и где вложения в науку были достаточны для осуществления полномасштабных исследований по широкому кругу самых прогрессивных направлений, Россия теперь превратилась в страну, где ученым платят меньше, чем неквалифицированным рабочим, а вложения в фундаментальные и прикладные исследования идут на таких скудных уровнях, что даже бывают меньшими в объемах, чем в отсталых полуиндустриальных странах, не говоря уже о странах — лидерах в сфере НТП. Как отмечается в печати, если в 2010 г. государственные и частные расходы США на науку в расчете на одного исследователя составляли 293 тыс дол., в Японии — 263 тыс дол., Китая — 74 тыс дол., то в России — лишь 39 тыс дол. [6, с. 33] (причем, нетрудно предположить, что даже из этой скромной суммы на цели именно реального научного поиска и тем более на обеспечение доходов самих непосредственных «генераторов новых научных идей» пришлась мизерная доля). К тому же, если раньше СССР лидировал по численности научных кадров, то в настоящее время общая численность научных работников в США в 3,5 раза больше, чем в России. В целом в России общие масштабы произведенного за годы реформ разрушения отечественной науки оцениваются так, что, по мнению, например, академика С. П. Капицы, потребуются не менее ста лет, чтобы исправить ситуацию» [5]. В XXI в. сознательное уничтожение отечественной науки фактически равнозначно разрушению собственной страны, от-

странению ее от равноправного сотрудничества со странами-лидерами, сознательному выводу ее из магистральных направлений развития цивилизации.

Прямым следствием этого производимого разрушения научной отрасли стало, в частности, наблюдающееся к настоящему времени фундаментальное отставание России от развитых стран по масштабам и темпам перехода к инновационной экономике. Если в ведущих странах за счет инноваций и нововведений обеспечивается до 70–80 % прироста национального дохода, то в России доля этих факторов пока даже неопределима. Если же ориентироваться на долю инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров и выполненных услуг, то эта доля за последнее десятилетие возросла всего лишь с 4,4 % (2000 г.) до 4,9 % (2010 г.). К тому же, удельный вес затрат на технологические инновации в этом общем объеме отгруженных товаров и выполненных работ за эти годы «возрос» также лишь с 1,4 % до всего лишь 1,5 %, а удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в их общем числе, даже сократился с 10,6 до 9,3 % [14, с. 28]. Обычно новые «западные партнеры» критикуют Россию за то, что государство здесь слишком опекает предприятия, вмешивается в работу эффективного рыночного механизма. Но где же была все это время государственная помощь производственной сфере в переходе к инновационным методам хозяйствования, если специалисты следующим образом характеризуют сложившееся здесь положение дел: «Инновационная деятельность организаций осуществлялась, главным образом, за счет собственных средств: в 2003 г. их доля составила 88,3 %, а в 2010 г. снизилась до 69,1 % в связи с неблагоприятным инновационным климатом. Федеральные и субфедеральные органы по существу самоустранились от финансирования технологических инноваций: их доля составила 2,7 % в 2003 г. и 5,0 % в 2010 г. Доля иностранных инвестиций с 1,8 % выросла до 2,7 %» [6, с. 33]. Получается, что даже иностранные инвесторы, для которых инновационное развитие России не является сколько-нибудь важной задачей, все же нередко в большей мере способствовали продвижению России к инновационному развитию, чем российское государство.

Что касается вложений государства в сферы образования и здравоохранения, от которых напрямую зависит качество человеческого капитала и которым, соответственно, все эти годы уделяют огромное внимание как самые высококоразвитые, так и развивающиеся страны, то, как известно, относительно этих сфер российское государство в течение всего периода реформ также предпочитало сознательную экономию на их развитии. В результате, если в прошлом СССР занимал ведущие позиции в сфере образования и обеспечивал достаточно качественной и бесплатной медицинской помощью все слои населения, то теперь из-за сокращений доли расходов государственного бюджета на цели образования и здравоохранения удельный вес социального сектора в ВВП России не только стал недопустимо низким, но еще постоянно снижается. Например, за 2002–2010 гг. доля этого сектора сократилась с 8 до 6,5 %. Так что сейчас ниже России по этому показателю стоит только Южная Африка (3,4 %). Как отмечает В. Б. Кондратьев, даже в Индии удельный вес социального сектора в ВВП составляет 7,4 %, не говоря уже о Бразилии (11,6 %) и развитых странах (16–18 %) или Китае (15,3 %), который высокими темпами развивает эту сферу, практически не существовавшую ранее [Там же]. Такое серьезное отставание России по уровню развития социальных сфер заставляет предполагать, что инвестиции в эти сферы, несмотря на различные «усилия» государства, выделялись в самую последнюю очередь и по известному «остаточному принципу». А между тем, когда отечественные специалисты производят очередные оценки макроэкономических рисков России, то в качестве главного из них на данный

момент нередко выделяют именно тот, который явился следствием чрезмерной экономии государства на социальном секторе. Как отмечает И. С. Королев, «...основной риск связан со сценарием, при котором модель социально-экономического развития России будет существенно отклоняться от общемировых тенденций. Прежде всего, речь идет о качестве человеческого капитала... Существует угроза его дальнейшего снижения особенно с учетом нашего отставания от ведущих стран в науке, образовании, здравоохранении» [8, с. 6]. В целом по совокупности реформ, проведенных в сферах науки и образования, не стоит, очевидно, удивляться тому, что в третьем квартале 2013 г. произошло очередное, уже 47 по счету из почти 400 пусков, падение ракеты «Протон» на Байконуре, принесшее России в очередной раз весьма ощутимый экономический ущерб и ничем не измеримые потери для престижа отечественной авиакосмической промышленности [10, с. 24]. Учитывая характер проводимых преобразований в данных сферах, надо просто готовиться к аналогичным событиям в будущем или, точнее, к нарастанию числа таких падений.

В связи с очевидными недовложениями в науку, образование и здравоохранение, можно было бы предположить, что основная доля инвестиций в России идет пока на развитие каких-то наиболее значимых отраслей в сфере материального производства.

Действительно, есть отрасли отечественной экономики, доля которых в общих объемах инвестиций в течение всех лет реформ увеличивалась. Но, к сожалению, это в основном не новые, так необходимые России сейчас и на перспективу обрабатывающие отрасли, работающие на внутренний рынок страны, а все те же сырьевые, работающие, к тому же, большей частью на экспорт. На первом плане из таких отраслей стоит, естественно, нефтегазодобывающая отрасль, доля которой в общих объемах промышленных инвестиций за 1990–2012 гг. выросла с 34 до 48 % [6, с. 33]. Конечно, сам по себе рост вложений России в отрасли ТЭК в современных условиях тоже необходим, поскольку именно эти отрасли обеспечивают пока основную часть доходов бюджета страны, и, следовательно, доходы этих отраслей, в свою очередь, позволяют государству справляться в необходимой мере с социальными проблемами. К тому же, без доходов от экспорта энергоресурсов, России, очевидно, надо было бы окончательно оставить надежды на финансовое обеспечение возможных программ «новой» индустриализации или модернизации экономики. В то же время, рост вложений в добывающие отрасли, безусловно, не должен одновременно означать сокращение объемов инвестиций в обрабатывающие производства, т. е. усугублять неэффективную (сырьевую) структуру российской экономики, что, на наш взгляд, также может быть отнесено к своеобразному углублению инвестиционного кризиса в стране.

В-пятых, пока государство экономит на вложениях в передовые отрасли, а крупный частный бизнес все активнее перераспределяет в свою пользу доходы от экспорта сырьевых «общенародных» ресурсов, малому и среднему отечественному бизнесу приходится в основном довольствоваться весьма незначительными объемами вложений в развитие собственного производства или специализироваться на посреднических операциях и наращивании вложений в торговлю, бизнес-клубы, салоны красоты, ночные клубы и т. п. Не случайно за годы реформ доля оптовой и розничной торговли в ВВП России возросла до трети и оценивается сейчас специалистами как гипертрофированно высокая, поскольку превышает значение этого показателя во всех развитых и развивающихся странах [Там же]. Такой сдвиг в структуре инвестиций является закономерным следствием неизбежно сформировавшейся в стране за годы реформ специфической «болезни», которую И. В. Розмаинский назвал «инвестицион-

ной близорукостью» [11] и которая означает незаинтересованность и боязнь большей части отечественных инвесторов осуществлять сколько-нибудь крупные вложения в свой бизнес из-за отсутствия четких перспектив на будущее, низкого качества отечественных законов и массовости их нарушений самими законодательными органами и органами правопорядка¹. «Инвестиционную близорукость», на наш взгляд, также вполне можно рассматривать как одно из специфических проявлений сформировавшегося скрытого инвестиционно-кризиса современной России.

С учетом всего происходящего, трудно предполагать, что от инвестиционной политики России периода реформ выиграли обрабатывающие отрасли отечественной экономики или социальная инфраструктура. Как отмечает, например, президент промышленного союза «Новое содружество» К. А. Бабкин, в России в настоящее время «Угасают не сырьевые отрасли. В автомобилестроении, например, падение производства в этом году на 10 %. В сельском хозяйстве экспорт сократился на 14 %, а импорт вырос на 5 %. Да и в сырьевых отраслях не все гладко. В металлургии экспорт сократился на 13 %. Массово закрываются литейные заводы, производители сдают оборудование в металлолом, увольняют рабочих, а заказы уходят в Китай»². В целом к концу 2013 г. темпы роста в отечественной промышленности снизились, как известно, почти до нуля, а в ряде обрабатывающих отраслей наблюдается даже абсолютное сокращение объемов производства.

Еще более удручающая ситуация складывается в сфере вложений в некоторые направления развития инфраструктуры. Как отмечает, например, вице-президент Россельхозакадемии И. Г. Ушачев, в 2013–2014 гг. в России «...на развитие сельских территорий от Калининграда до Владивостока, где проживают 38 млн чел., будет выделена чуть большая сумма, чем на дорогу от Москвы до Сколково. Но и этот мизер в следующем году планируют урезать на 5 %, а в 2016 г. — на 20 %»³.

В-шестых, в круг доказательств пребывания российской экономики в состоянии инвестиционного кризиса, следует, очевидно, включить также то обстоятельство, что за весь период реформ в стране так и не была разработана сколько-нибудь эффективная государственная законодательно-правовая база инвестиционной деятельности. Кроме того, за двадцать лет государством не было выработано сколько-нибудь четкой инвестиционной концепции и направлений инвестиционной политики [13, с. 15–20].

Как можно предположить, государство надеется вывести экономику страны из опасного и фактически усугубляющегося инвестиционного кризиса с помощью небывало большого оборонного заказа, который до 2020 г. определен в размере 23 трлн р. Намечая такие огромные вложения в оборонный сектор, государство, очевидно, рассчитывает, по примеру многих других стран, «убить сразу двух зайцев», т. е. и модернизировать оборонный сектор, и одновременно, опираясь на передовые военные технологии, осуществить новую индустриализацию и модернизацию в широком круге гражданских отраслей. С этим же огромным оборонзаказом связаны, очевидно, и известные обещания президента страны о создании в ближайшие годы 25 млн новых высококвалифицированных рабочих мест.

¹ Кстати, индекс доверия полиции, измеренный фондом «Общественный вердикт» и Аналитическим центром Ю. Левады в марте 2013 г., т. е. через два года с момента вступления в силу Федерального закона «О полиции», оказался равным лишь 7 пунктам из 100 возможных (Аргументы и факты. 2013. 2 окт.).

² Аргументы и факты. 2013. 9 окт.

³ Там же.

Безусловно, если бы удалось действительно мобилизовать на цели модернизации намеченные объемы вложений и, главное, достаточно целесообразно и эффективно их использовать, то на этой основе можно было бы рассчитывать на реальный прорыв не только в инвестиционном секторе, но и в экономике в целом. Однако главная для России трудность предстоящей модернизации заключается, очевидно, не столько в изыскании необходимых финансовых ресурсов, сколько в том, что для решения предстоящих проблем потребуются: мобилизация всех оставшихся здоровых сил общества, радикальное обновление коррумпированного сверху до низу государственного аппарата, принципиальное изменение «общественного статуса» науки в обществе, переход к новой политике в области заработной платы и стимулирования бизнеса, существенные изменения в ряде аспектов внешнеэкономической политики. Если российское государство сможет справиться с такими задачами, т. е. фактически сможет качественно изменить самое себя, то тем самым избавит Россию от возможных серьезных общественных потрясений и катаклизмов и позволит ей перейти на новую, более эффективную траекторию развития.

Список использованной литературы

1. Арбатова Н. К. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза / Н. К. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 8. — С. 3–21.
2. Бляхман Л. С. Институциональные основы модернизации российской экономики / Л. С. Бляхман // *Проблемы современной экономики*. — 2012. — № 1 (41). — С. 7–17.
3. Делягин М. А. Иностранные инвестиции: из России с любовью / М. А. Делягин // *Новая газета*. — 2010. — 18 марта.
4. Зуйков Р. Внешнеэкономические связи России: от торговой к производственно-инвестиционной модели / Р. Зуйков // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 8. — С. 43–53.
5. Капица С. На восстановление российской науки придется потратить целое столетие / С. Капица // *Новая газета*. — 2012. — 17 авг.
6. Кондратьев В. Зарубежный опыт модернизации: уроки для России / В. Кондратьев // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 10. — С. 33–44.
7. Кондратьев В. Оценки конкурентоспособности стран / В. Кондратьев, А. Егоров, С. Аукционек // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 2. — С. 12–25.
8. Королев И. Неопределенность мирового экономического развития: риски для России / И. Королев // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2013. — № 4. — С. 3–10.
9. Малкина М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики / М. Ю. Малкина // *JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES* (Журнал институциональных исследований). — 2011. — Т. 3, № 1. — С. 50–60.
10. Раткин Л. Минавиакосмос, Мингеологии и Миннефтегаз как отраслевые инвестиционные мегарегуляторы российской экономики / Л. Раткин // *Инвестиции в России*. — 2013. — № 9. — С. 24–27.
11. Розмаинский И. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике / И. Розмаинский // *Вопросы экономики*. — 2006. — № 9. — С. 71–82.
12. Фадеева Н. С. Экономически обоснованная стоимость как основа договорных отношений и фактор модернизации строительства / Н. С. Фадеева, С. Л. Золотухин // *Экономика строительства*. — 2012. — № 1. — С. 16–31.
13. Шулус А. Совершенствование управления инвестиционной деятельностью и индикативное его регулирование / А. Шулус, В. Шулус // *Инвестиции в России*. — 2013. — № 5. — С. 15–20.
14. Шулус А. Формирование и эффективность функционирования инновационного комплекса в России / А. Шулус, В. Шулус // *Инвестиции в России*. — 2013. — № 9. — С. 28–36.

References

1. Arbatova N. K. An impact of the crisis on EU's foreign and defence policies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 8, pp. 3–21 (in Russian).
2. Bliakhman L. S. Institutional foundations of Russian economic modernization. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of the Contemporary Economy*, 2012, no. 1 (41), pp. 7–17 (in Russian).
3. Delyagin M. A. Foreign investments: from Russia wit love. *Novaya gazeta – The New Paper*, 2010, 18 March (in Russian).
4. Zuikov R. Foreign Economic Ties of Russia: from Trade to Production and Investment Model. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 8, pp. 43–53 (in Russian).
5. Kapitsa S. A whole century is needed to restore Russian science. *Novaya gazeta – The New Paper*, 2012, 17 Aug. (in Russian)
6. Kondratiev V. Foreign Experience of Modernization: Lessons for Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 10, pp. 33–44 (in Russian).
7. Kondratiev V., Egorov A., Auktsionek S. Assessment of countries' competitiveness. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 2, pp. 12–25 (in Russian).
8. Korolev I. Uncertainty of the world economic development: risks for Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 2013, no. 4, pp. 3–10 (in Russian).
9. Malkina M. Yu. Institutional traps of the innovative development of Russian economy. *Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy – Journal of institutional studies*, 2011, vol. 3, no. 1, pp. 50–60. (in Russian)
10. Ratkin L., Minaviakosmos, Mingeologiya and Minneftegaz as the branch investment megaregulators for Russian economy. *Investitsii v Rossii – Investments in Russia*, 2013, no. 9, pp. 24–27 (in Russian).
11. Rozmainkiy I. «Investment myopia» in post-Keynesian theory and in Russian economy. *Voprosy ekonomiki – Issues of Economy*, 2006, no. 9, pp. 71–82 (in Russian).
12. Fadeeva N. S., Zolotukhin S. L. Economically sound cost as basis for contractual relations and factor of modernization of construction. *Ekonomika stroitelstva – Economy of construction*, 2012, no. 1, pp. 16–31 (in Russian).
14. Shulus A., Shulus V. Improvement of investment activity management and its indicative regulation. *Investitsii v Rossii – Investments in Russia*, 2013, no. 5, pp. 15–20 (in Russian).
13. Shulus A., Shulus V. Development and efficiency of functioning of the innovation complex in Russia. *Investitsii v Rossii – Investments in Russia*, 2013, no. 9, pp. 28–36 (in Russian).

Информация об авторе

Макарова Галина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: makgn1940@mail.ru.

Author

Makarova Galina Nikolaevna — Doctor habil. (Economics), Professor, Dep-t of Economic Theory and Institutional Economics, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: makgn1940@mail.ru.